

№ 6.

1902.

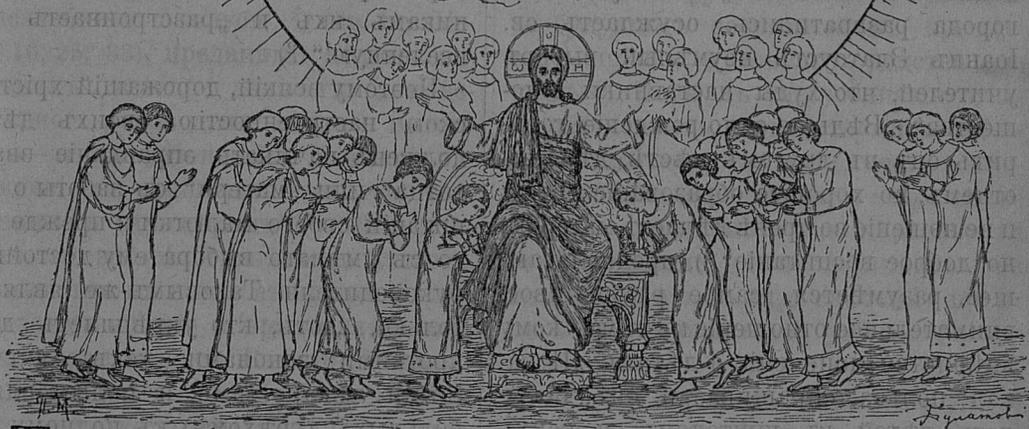
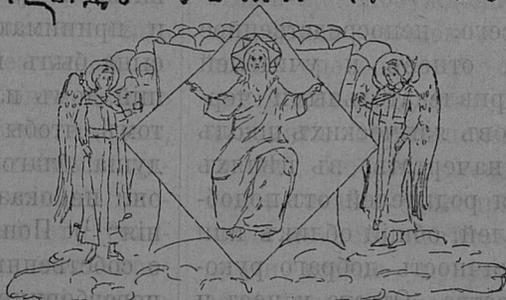
БОЖІА ПИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪТІИ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МѢ И
НЕ БРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкіи совѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ВЗГЛЯДЪ НА ВОСПИТАНІЕ НА ЗАРѢ ХРИСТИАНСТВА.

(Продолженіе)¹⁾.

II.

Предостереженіе родителямъ отъ неразборчиваго отношенія къ наставникамъ и руководителямъ юношества. Нравственная личность добраго руководителя юношества. Любовь наставника къ дѣтямъ и къ дѣлу воспитанія. Святыя матери святыхъ мужей.

Будучи примѣрными руководителями и наставниками юношества, св. отцы и учителя древне-христіанской Церкви въ своихъ глубоко-мысленныхъ сочиненіяхъ оставили

намъ цѣлый рядъ руководственныхъ правилъ и указаній по вопросу о воспитаніи. А ихъ широкой опытъ, глубоко-жизненное усвоеніе христіанскихъ началъ, тонкое пониманіе особенностей духовной природы дитяти дѣлаетъ

¹⁾ См. № 5.

изъ этихъ правилъ самое дорогое наслѣдіе, въ которомъ хрістіански—настроенный руководитель просвѣщенія всегда въ изобиліи можетъ черпать указанія на характеръ воспитанія дѣтей.

И прежде всего, непосредственное знакомство св. отцевъ и учителей Церкви съ непривлекательными чертами наставниковъ языческихъ школъ побудило ихъ начертать, въ цѣляхъ предостереженія родителей отъ подобныхъ воспитателей, общій обликъ или нравственную личность добраго руководителя юношества. „Оттого у насъ и города развратились, осуждаетъ св. Іоаннъ Златоустъ неумѣлый выборъ учителей, что худы наставники юношества“. „Вѣдь не одно рожденіе, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, дѣлаетъ отцемъ, но хорошее образованіе дѣтей; и не ношеніе во чревѣ дѣлаетъ матерью, но доброе воспитаніе“¹⁾, предполагающее, разумѣется, самое разборчивое, внимательное отношеніе къ тѣмъ, кому ввѣряется попеченіе о дѣтяхъ. „И какая польза, спрашиваетъ онъ, посылать дѣтей къ учителямъ, у коихъ научатся они скорѣе порокамъ, нежели словесности, и, желая приобрѣсть менѣе важное, теряютъ важнѣйшее—силу души и всякое доброе расположеніе?“²⁾ А между тѣмъ многіе изъ родителей, къ стыду ихъ, болѣе „заботятся, какъ выражается св. Іоаннъ Златоустъ, о лошадахъ и ослахъ, чѣмъ о дѣтяхъ“. „Если они начинаютъ погонщика ословъ, то очень заняты бывають вопросомъ: не глупъ ли онъ, не пьяница-ли, не воръ-ли,

опытенъ-ли. А если берутъ учителя для дѣтей, то принимаютъ кого пришло и не размышляютъ, что нѣтъ искусства важнѣе воспитанія“. „Часто многіе изъ отцевъ дѣлають все, развиваетъ ту-же мысль св. Златоустъ, и принимаютъ всѣ мѣры, чтобы у сына былъ прекрасный конь, блестящій домъ или многоцѣнное поле; а о томъ, чтобы у него была прекрасная душа, благочестивое намѣреніе, этому они не оказываютъ никакого вниманія“¹⁾. Понятно, что такое нерадѣніе о собственныхъ своихъ дѣтяхъ, такое неразборчивое отношеніе къ наставникамъ ихъ и „разстроиваетъ всю вселенную!“²⁾

Поэтому всякій, дорожащій хрістіанскою настроенностію своихъ дѣтей, долженъ начинать оправданіе званія „отца“ или „матери“ съ заботы о воспитаніи своего малютки и прежде всего съ умѣлаго выбора ему достойнаго руководителя. Таковымъ-же является только, „тотъ, кто укрѣпляетъ душу кроткими законами, какъ смягчающими лѣкарствами, и подготавливаетъ больныхъ (грѣхомъ) къ полному выздоровленію для истины“³⁾. Подобно Божественному Воспитателю человечества, Хрісту, истинный наставникъ долженъ быть добрымъ пастыремъ, т. е. заботливымъ руководителемъ „существъ неопытныхъ“⁴⁾. А „добрый пастырь“ знаетъ, какъ охранить овецъ своего стада. „Какъ кормчій не всегда лавируетъ по вѣтру, но иногда ставитъ корабль передней его частью противъ всѣхъ толчковъ вѣтра: по-

1) Полное собраніе твореній св. Іоанна Златоуста, С.-Петербургъ, 1898 г. и слѣд., изданіе второе. Бесѣды къ Антиохійскому народу.

2) 3-е слово къ враждующимъ противъ тѣхъ, которые привлекають къ монашеской жизни; къ вѣрующему отцу.

1) Бесѣда о вдовицахъ, о воспитаніи дѣтей и о милостынѣ.

2) Ibid.

3) Климентъ Александрійскій, Педагогъ, перев. Н. Корсунскаго, 1890 г. Ярославль. Кн. 1-я, гл. 1-я.

4) Ibid. Кн. 1-я, гл. 7 я.

добнымъ образомъ и истинный наставникъ не соображается съ нравами и обычаями... и не предоставляетъ имъ своего питомца на произволь, какъ какую нибудь лодку. Онъ не дозволяетъ, чтобъ его питомецъ вліяніемъ мірскихъ нравовъ увлеченъ былъ къ жизни животной и безпутной, но внушаетъ ему, чтобы... онъ твердо держался единственно вѣтра истины, доколѣ... бережно взлелѣяннымъ дитятей не войдетъ въ гавань небесную¹⁾ Ограждая дѣтей отъ увлеченія соблазнами, цѣня въ нихъ кротость, нѣжность—„невинность агнца и незлобивость голубя“²⁾ (ср. Ев. Мѡ. 10, 16; 25, 33), преданный дѣтямъ наставникъ всегда долженъ „любезно“ руководить своихъ питомцевъ—этихъ „птенцовъ“ Божіихъ наставленіями, „запрещеніями... и собственнымъ примѣромъ“³⁾ Онъ долженъ, по свободной любви къ дѣтямъ, становиться къ нимъ въ искренно-любобное отношеніе и вразумлять ихъ, какъ выражается св. Василій Великій, „съ отеческимъ сердоболіемъ“⁴⁾. Это обстоятельство, то есть желаніе вызвать въ ближайшихъ руководителяхъ дѣтей отеческую попечительность о нихъ, побудило, между прочимъ, древне-христіанскую Церковь сообщить даже цер-

ковное освященіе лицамъ, воспринимающимъ младенца отъ купели крещенія и возложить на нихъ нравственную отвѣтственность за вѣру и христіанскую жизнь крещаемого. По этимъ-же побужденіямъ, движимая искреннею заботою о воспитаніи высшихъ способностей стремящейся къ свѣту дѣтской души, она расширила и понятіе христіанской семьи, ввела въ нее особаго члена, дала ему высокое званіе „восприемника“, наложила на него отвѣтственную, теперь почти всегда упускаемую изъ виду, обязанность руководителя и признала за будущимъ воспитателемъ крещаемого право духовнаго родства съ нимъ¹⁾. Вотъ въ какія близкія отношенія ставить первенствующая Церковь малютку и его постояннаго воспитателя! Нельзя не отмѣтить здѣсь также и того, какъ смотрѣла Церковь, на зарѣ ея жизни, на наставниковъ: она хотѣла видѣть въ нихъ сначала и прежде всего *воспитателя, умѣющаго отъ младенчества сдружить дѣтей съ добродѣтелью*²⁾, а потомъ, и позднѣе, уже—*учителя*³⁾, потому что и во всемірной исторіи нашъ Божественный Педагогъ—Христосъ сначала воспитывалъ челоуѣчество, а потомъ раскрывалъ ему тайны царствія Божія (Климентъ Александрійскій).

Въ виду такого высокаго взгляда на истиннаго воспитателя юношества, отцы и учителя Церкви естественно должны были заклеймить презрѣніемъ тѣхъ наставниковъ, которые легкомысленно относились къ своимъ обя-

¹⁾ См. подробнѣе объ этомъ нашу статью о восприемникахъ при святомъ Крещеніи, Церковныя Вѣд., издаваемая при Святейшемъ Синодѣ, 1901 г., № 46.

²⁾ Климентъ Александрійскій, Педагогъ, кн. 1-я гл. 5-я.

³⁾ Ibid гл. 1-я.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. Кн. 1-я гл. 5.

³⁾ Ibid. Кн. 1-я; ср. гл. 3, 5, 6.

⁴⁾ Твор. св. Василя Великаго, Москва, 1858 г. ч. 5 я, стр. 133. Между прочимъ взглядъ св. Василя Великаго на воспитаніе излагается въ спеціальномъ изслѣдованіи *К. Мироллобова*, Вѣра и Разумъ, № 16, 1899 года. Къ сожалѣнію, въ этомъ отдѣлѣ встрѣчается у автора нѣсколько неточныхъ цитатъ, которыя мы и поправляемъ по сочиненіямъ Василя Великаго. Такъ, въ примѣч. 3 (на стр. 262) вмѣсто Твор. ч. 6, п. 24, с. 169 слѣдуетъ читать стр. 69., въ примѣч. 1 (стр. 263) вмѣсто твор. ч. 7, пис. 268, с. 275 должно быть напечатано ч. 5-я, стр. 133.

занностямъ. „Мы не стыдимся признаться, писалъ Оригенъ Цельсу, что удаляемъ своихъ юношей отъ тѣхъ учителей, которые учатъ смѣшнымъ глупостямъ“¹⁾. И, наоборотъ, съ какою нѣжностію съ какою любовію просвѣщенные мужи съдой хрістіанской древности произносили имена тѣхъ, коимъ они были обязаны своею благочестивою настроенностію. Съ какою, напримѣръ, благодарностію вспоминаетъ св. Іоаннъ Златоустъ свою добрую мать Анѳусу, которой онъ былъ обязанъ всѣмъ своимъ послѣдующимъ величіемъ и святостію и которая двадцатилѣтнею вдовою отказала всѣмъ многочисленнымъ искателямъ ея руки съ тѣмъ, чтобы предаться исключительно материнскимъ заботамъ о двухъ осиротѣвшихъ малюткахъ, чѣмъ вызвала невольное удивленіе у знаменитаго языческаго ритора Ливанія. „Ахъ, какія у хрістіанъ есть женщины!“—воскликнулъ онъ, узнавъ о материнскомъ самоотверженіи Анѳусы²⁾. Съ какою также признательностію святые братья Василій Великій и Григорій Нисскій вспоминаютъ свою благочестивую мать Еммелію и бабу Макрипу за то, что онѣ сумѣли воспитать ихъ въ правилахъ благочестія. Съ какою, далѣе, любовію сынъ молитвы матерней, св. Григорій Богословъ, говорить о Ноннѣ, своей матери, которая еще въ дѣтствѣ питала нѣжную душу его благочестивыми наставленіями и подарила ему, какъ самый дорогой подарокъ, св. Писаніе, а также—о своей кормилицѣ, „отъ самой колыбели питавшей его Божіимъ словомъ и не прекращавшей до конца попеченія о его младенчествѣ“²⁾. Съ

какимъ, наконецъ, восторгомъ отзывается блаженный Августинъ о своей матери, которая „съ самаго ранняго дѣтства, вмѣстѣ съ своимъ молокомъ научала его любить и соблюдать въ сердцѣ своемъ имя Спасителя своего“¹⁾. Съ неменьшею любовію вспоминаетъ, также, блаженный Августинъ и о старушкѣ—нянѣ, воспитывавшей его благочестивую мать и дѣда и „пользовавшейся за неукоризненность своихъ нравовъ въ хрістіанскомъ домѣ большимъ уваженіемъ отъ господъ своихъ“²⁾. И это чувство признательности вполне понятно. Да, какой, напримѣръ, высокій и поучительный образецъ хрістіанской воспитательницы дѣтей представляетъ Моника! Она учитъ своего малютку прославлять Бога. Она заботится о томъ, чтобы онъ, небесный Владыка, былъ ребенку Отцомъ. И мальчикъ Августинъ, лепечетъ уже имя Божіе. Какое утѣшеніе матери! Но вотъ на долю ее выпадаетъ тяжелое испытаніе: въ душу ребенка, не безъ вліянія отца, прокрадывается порокъ. Мать желала пролить въ душу его духъ святой вѣры и благочестія, а отецъ заботился только о его славѣ. Посему то, что радовало отца, печалило мать. Она открывала сыну свои чувства, но пыльное дитя, любя мать, охотнѣе, однакоже, пользовалось попущеніями отца и скоро вступило на опасный, для юности, путь. Горе матери безпредѣльно... Но каково ея поведеніе?! Она не отчаивается. Она не бросаетъ сына, погрязающаго въ порокъ. Она не хочетъ терять и этой единой овечки изъ своего маленькаго стада—изъ своей семьи. Нѣтъ, теперь-то, какъ опытный

ніе объ отцахъ Церкви, т. 2-й, 1882 г., Петербургъ, стр. 191, примѣч. 3.

¹⁾ Бл. Августинъ, Исповѣдь, кн.: 3-я гл. 4-я.
²⁾ Ibid. Кн. 9-я, гл. 8.

¹⁾ Orig. Ed. Vas. an MDLXXI, lib. 3 p. 693.

²⁾ Собр. соч. Іоанна Злат. Петербургъ, т. 1-й. 1898 г., стр. 6; ср. Филарета, Историческое уче-

воспитатель, она усиливаетъ, свою бдительность, свою заботу и свое попеченіе: она молится за сына, горько плачетъ въ тишинѣ и святомъ уединеніи, плачетъ и надѣется на Бога... И ея оружіе—слезы и молитвы—доставляютъ, наконецъ, ей счастливое торжество, но чрезъ немалое время и чрезъ тяжелое испытаніе. Но истинный наставникъ не боится труда, не страшится испытаній, не щадитъ иногда, и слезъ скорби, если онѣ рождаются, потомъ, слезы, умиленія и радости. Не боялась ихъ и блаженная Моника. А между тѣмъ вотъ, напримеръ, какія испытанія выпадали на ея долю. Однажды любящая мать проводила горькіе дни въ непрестанныхъ слезахъ о гибели чада своего и въ молитвахъ о его обращеніи. Послѣ обильныхъ молитвенныхъ слезъ она заснула и во снѣ увидѣла предъ собою свѣтлый образъ юноши, который съ участіемъ спрашивалъ ее о причинѣ горести. „Оплакиваю погибель сына моего“—отвѣчала она. Юноша, желая успокоить ее, возразилъ, что сынъ ея съ нею, и приказалъ ей обратиться и посмотрѣть около себя. Мать обратилась и увидѣла подлѣ себя сына. Это сновидѣніе почла она добрымъ пророчествомъ и спѣшила рассказать его сыну. Но сынъ, видя скорбь своей матери, не убоялся еще болѣе удручить ее. „Чтожь, спокойно отвѣтилъ Августинъ, это значитъ, что и ты скоро будешь тамъ, гдѣ теперь я“.—„Нѣтъ, нѣтъ, сынъ мой!“—воскликнула мать: „не я около тебя явилась, а ты около меня; стало быть, гдѣ теперь я, тамъ будешь и ты“... И послѣ этого, всетаки сынъ не обращался, и матери готовилось новое горе... Переходя отъ одного философа къ другому, Августинъ окончательно запутался въ ихъ разнорѣчивыхъ уче-

ніяхъ. Умъ его сталъ теряться въ недоумѣніяхъ. Жившая въ немъ до толѣ надежда—найти истину перестала успокаивать его мятущийся духъ. Въ тяжкомъ раздумѣ онъ рѣшается, наконецъ, тайно оставить свою мать, нежелавшую разставаться съ нимъ и удаляется въ Римъ. Каково испытаніе для бѣдной матери! Какова благодарность за ея нѣжную любовь! Но и здѣсь покинутая мать не оставляетъ заботъ о сынѣ. Плачетъ и молится она, потому что у ней нѣтъ теперь другихъ средствъ, которыми она могла бы воздѣйствовать на своего сына. Такимъ образомъ, *любви и, гдѣ нужно, молитвенныя слезы и святая скорбь—вотъ основа истиннаго воспитанія!* Моника твердо вѣрила вѣщанію одного епископа, который, въ отвѣтъ на ея слезы о заблуждающемся сынѣ, сказалъ ей однажды: „невозможно, чтобы чадо такихъ слезъ погибло!“¹⁾ И это чадо слезъ дѣйствительно не погибло. Сынъ отвѣтилъ слезами раскаянія на слезныя мольбы своей матери... Волнуемый борьбою мыслей и чувствъ, Августинъ вышелъ однажды въ садъ... Слезы готовы были потокомъ излиться изъ его глазъ... Онъ удалился отъ сопровождавшаго его друга Алипія въ глубину сада... Ища уединенія, онъ подошелъ къ одной смоковницѣ и, простершись подъ нею, въ чувствѣ раскаянія, зарыдалъ... Вотъ результатъ добраго, неустаннаго хрістіанскаго попеченія о дѣтяхъ! Мать умерла, переживъ счастье обращенія своего сына къ Богу... Теперь понятно, почему у блаженнаго Августина въ его исповѣди часто вырываются такія, напримеръ, восторженныя восклицанія и похвалы его матери: „не умолчу о томъ, чѣмъ переполнена душа моя,—

1) Исповѣдь бл. Августина, книга 3-я гл. 12-я.

не умолчу о той рабѣ Твоей, представившей Тебѣ столько залоговъ своей вѣрности, которой я обязанъ вдвойнѣ жизнію, потому что она рождала меня и плотию, для временной жизни, и духовно, для жизни вѣчной! 1) Понятно также и то, почему святой Амвросій Медиоланскій часто любилъ привѣтствовать Августина при свиданіи съ нимъ тѣмъ, что онъ имѣетъ такую мать "... 2) И этотъ высокій образецъ добродѣтельной наставницы и руководительницы дѣтей не исключеніе. Вѣдь, разумѣется, только любящія матери, добрыя няни и благочестивые наставники юношества могли воспитать цѣлый сонмъ мучениковъ и подвижниковъ вѣры и благочестія, которые безстрашно вступали въ борьбу съ язычествомъ

1) Ibid кн. 9-я гл. 8-я.

2) Кн. 6-я, гл. 2-я.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Димитрій Введенскій.

11-Е МАЯ ВЪ ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ.

Уже нѣсколько лѣтъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ 11-е мая празднуется какъ свѣтлый праздникъ церковныхъ школъ: собираются дѣти всѣхъ ближайшихъ школъ въ мѣстный соборный храмъ, совершается торжественное архіерейское Богослуженіе съ молебномъ, при участіи самихъ дѣтей чтеніемъ и пѣніемъ, по мѣстамъ устраивается торжественный актъ и т. п. Съ каждымъ годомъ такое празднованіе становится все торжественнѣе и память святыхъ просвѣтителей нашихъ прославляется церковными школами все больше и больше....

на зарѣ хрістіанства! И еслибы наставники и руководители юношества всегда горѣли огнемъ святой любви къ ввѣряемымъ ихъ попеченію дѣтямъ, и еслибы родители и блюстители общественной пользы болѣе цѣнили „степенныхъ и испытанныхъ въ вѣрѣ“ (Геронимъ) наставниковъ, то это было бы лучшимъ содѣйствіемъ воспитанію общества: „тогда не нужно было-бы, какъ говоритъ св. І. Златоустъ, ни законовъ, ни судилищъ, ни мщеній, ни наказаній, ни публичныхъ убійствъ“. „Но такъ какъ мы мало заботимся о дѣтяхъ, то и подвергаемъ ихъ большому злу и постоянно толкаемъ въ пропасть“. 1)

1) Тв. св. Іоанна Златоуста, С-Петербургъ, 1897 г. т. 3-й, Кн. 1-я. стр. 340, Бесѣда о вдовицахъ, о воспитаніи дѣтей и о милостынѣ.

Но желательно, чтобъ это взаимное духовное общеніе сосѣднихъ школъ въ молитвѣ и торжествѣ осуществлялось не только въ большихъ городахъ, но и въ другихъ, болѣе или менѣе центральныхъ мѣстахъ, особенно подѣ снѣию чтимыхъ народомъ святыхъ. Первый опытъ такого мѣстнаго празднованія 11-го мая нѣсколькими школами совокупно и былъ сдѣланъ въ нынѣшнемъ году въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Въ самой Лаврѣ есть церковно-приходская школа для пѣвчихъ мальчиковъ, другая Лаврская школа—въ 11 верстахъ отъ Лавры на томъ мѣстѣ, откуда Святитель

Стефанъ поклонился Преподобному Сергію (при часовнѣ „у Креста“), затѣмъ въ посадѣ имѣются двѣ церковно-прих. школы: академическая и при церкви Воскресенія Хрїстова. Дня за три до праздника у одного изъ сотрудниковъ „Божіей Нивы“ явилась мысль: собрать все ближайшія школы ко гробу Пр. Сергія въ этотъ день. Оповѣщены были еще три ближайшія школы: образцовая при Виѣанской Духовной Семинаріи и школы села Ахтырки и Хотькова монастыря. Оо. завѣдующіе горячо приняли къ сердцу эту мысль. И вотъ, съ ранняго утра 11-го мая, при тихой весенней погодѣ, потянулись къ святой обители Сергіевой юные паломники вереницами по всемъ путямъ, ведущимъ къ обители Живоначальной Троицы: и отъ Хотькова, и со стороны Москвы, и отъ Виѣаніи... Дѣти шли бодро и радостно: обитель Сергіева и безъ того всегда влечетъ ихъ къ себѣ однимъ чуднымъ именемъ Сергія, а теперь имъ было сказано, что это—ихъ дѣтскій, школьный праздникъ, что соберется нѣсколько школъ, что будетъ служить молебенъ „самъ архіерей“, — и къ 8^{1/2} часамъ утра древній соборъ Пресвятыя Троицы наполнился дѣтьми. Всего явилось до 250 человекъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Литургію служилъ членъ Моск. Епарх. Училищнаго Совѣта, редакторъ „Б. Нивы“ архимандритъ Никонъ, соборнѣ съ о. завѣдующимъ лаврекими школами іеромонахомъ Аверкіемъ и другими, а на молебенъ вышелъ преосвященный ректоръ Академіи, Арсеній Епископъ Волоколамскій. Онъ предупредилъ молебенъ простымъ, душевнымъ словомъ къ дѣтямъ. „Дорогія дѣти, сказалъ онъ, безъ сомнѣнія, вы не въ первый разъ въ этомъ святомъ храмѣ, но никогда васъ не со-

биралось здѣсь такъ много, какъ видимъ сейчасъ. Что это значитъ? Зачѣмъ васъ привели сюда? почему именно сегодня?“ И владыка въ простыхъ, теплыхъ словахъ объяснилъ дѣтямъ значеніе праздника славянскихъ первоучителей, указалъ и на то, что пр. Сергій почитается также покровителемъ книжнаго ученія, и въ заключеніе пригласилъ ихъ вмѣстѣ помолиться св. первоучителямъ нашимъ и пр. Сергію. Молебенъ закончился послѣ обычнаго многолѣтія Государю, Св. Синоду, Митрополиту, епископамъ Арсенію Волоколамскому и Трифону Дмитровскому, приглашеніемъ архидіакона: „всѣмъ, во обученіи дѣтей въ школахъ церковныхъ труждающимся и дѣтемъ, во оныхъ школахъ учащимся, подаждь Господи здравіе и спасеніе, во ученіи благопоспѣшеніе и сохрани ихъ на многая лѣта“. Всю литургію и молебенъ пѣли мальчики, ученики лаврской пѣвческой церк.-пр. школы, а послѣ молебна по своему усердію пропѣли тропарь свв. Меодію и Кириллу ученики и ученицы Хотьковской школы, прибывшіе пѣшкомъ за 12 верстъ, съ своимъ о. завѣдующимъ, свящ. о. А. Заозерскимъ. Дѣтей сопровождали и ихъ учителя и учительницы. Послѣ литургіи все они удостоились принять святительское благословеніе отъ преосв. Арсенія, послѣ чего ихъ отвели въ лаврскую ризницу и показали наиболѣе достопримѣчательныя древности: облаченія, въ которыхъ служилъ пр. Сергій, сосуды деревянные, древнія евангелія, пожертвованные Царями покровы на мощи угодника Божія и пр. Въ объясненіи участвовали два преподавателя Виѣанской духовной семинаріи. Потомъ дальнихъ путниковъ, всего болѣе ста человекъ, отвели въ братскую трапезу и покормили сыт-

нымъ обѣдомъ, а затѣмъ показали имъ храмы и типографію, гдѣ дѣти съ изумленіемъ смотрѣли на работы такихъ же, какъ они, мальчиковъ, быстро набравшихъ буквы и складывавшихъ печатные листы... Радостные и довольные, они оставили обитель, причѣмъ нѣкоторые опять пошли пѣшіе верстъ за десять, другіе вернулись по желѣзной дорогѣ.

Во время литургіи стояли съ дѣтьми и ихъ отцы законоучители. Нѣкоторые изъ нихъ вышли и на молебень, а другіе должны были покинуть своихъ школьниковъ, чтобы поспѣть на экзаменъ одинъ въ земской, другой въ городской школахъ... И невольно подумалось: что это за рознь? что за странное явленіе у насъ на Руси? Что однимъ вѣдомствомъ признается не только полезнымъ, но и прямо обязательнымъ въ видахъ воспитанія дѣтей, ввѣренныхъ народомъ школѣ, то другимъ ставится ни во что, мало того: какъ будто нарочито подчеркивается неуваженіе къ празднику, признаваемому первою школой, назначеніемъ экзаменовъ въ сей день именно по закону Божію... Что подумаетъ мальчикъ, ученикъ земской или городской школы, когда вспомнить, что его товарищи, ученики церковныхъ школъ, пошли къ „Троицѣ-Сергію“, будутъ тамъ сегодня молиться Богу, увидятъ торжественное служеніе архіерея, имъ тамъ покажутъ разныя невиданныя ими старинныя и священныя вещи, ихъ приласкаютъ иноки, поведутъ ихъ въ свою трапезу, угостятъ монашескимъ обѣдомъ... для нихъ праздникъ, а „у насъ“ въ школѣ — экзаменъ... Сиди вотъ тутъ, жди, когда спросятъ, смотри въ книгу, да еще отвѣтишь скверно—и что это за счастливыя, эти „церковники“: какіе у нихъ хорошіе праздники, богомоленья, путешествія

къ святымъ мѣстамъ!... Убѣжалъ бы туда!...

Спасибо скажетъ своимъ руководителямъ и школьникъ церковной школы, и его родители... Много свѣтлыхъ впечатлѣній останется на всю жизнь у этого школьника отъ такого праздника школы...

Если весеннія „рекреаціи“, существовавшія когда-то въ духовныхъ школахъ, на всю жизнь остаются памятными днями, свѣтлыми полосками выдѣляются на сѣромъ фонѣ школьныхъ воспоминаній, если даже „публичные экзамены“ вспоминаются не безъ удовольствія, благодаря своей торжественной обстановкѣ, то тѣмъ живѣе, тѣмъ плодотворнѣе отпечатлѣются на дѣтскомъ сердцѣ такіе свѣтлые праздники школы, въ которыхъ все церковно, все вѣдетъ любовью, молитвой, Божіимъ благословеніемъ...

Да и не позволительно-ли спросить: что думаютъ разумные родители-простецы о такомъ, въ корнѣ противоположномъ отношеніи школъ двухъ вѣдомствъ къ одной и той же великой задачѣ? Вѣдь народъ смотритъ на школу не просто какъ на мѣсто обученія, а и какъ на воспитательницу его дѣтей: развѣ ученики земскихъ и иныхъ не церковныхъ школъ не тѣ же Русскія дѣти, какъ и ученики школъ церковныхъ? Развѣ они не дѣти той же матери—Церкви Православной? Такъ за что же лишаютъ ихъ тѣхъ благодатныхъ впечатлѣній, которыя могли бы лечь на всю жизнь въ ихъ душѣ и быть несокрушимою опорой для нихъ въ борьбѣ съ разными „вѣянiями“, коихъ такъ много развелось теперь на Русской землѣ?

Не думайте, будто народъ не примѣчаетъ того разлада между вѣдомствами, какой, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣзко отмѣчается у насъ почти

ПОЧЕМУ МЫ МОЛИМСЯ ЗА УМЕРШИХЪ.

(Протоіерея о. Іоанна Наумовича).

Вдуть годы за годами, десятки, тысячи лѣтъ плывутъ, какъ многоводная рѣка. Наши предки, наши отцы, дѣды, прадѣды сотни лѣтъ тому назадъ жили на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и мы живемъ,—родились, выросли, стали мужами, старцами, трудились, веселились, болѣли, мучились и въ концѣ концовъ легли своимъ тѣломъ въ сырую землю для вѣчнаго упокоенія. Изъ ихъ нѣкогда красивыхъ и здоровыхъ тѣлъ образовалась грудка земли, рассыпающаяся нынѣ въ порошокъ. Такъ будетъ и съ нами. И мы были малыми дѣтьми, но нынѣ старѣемся и съ каждымъ днемъ приближаемся къ смерти. Тоже будетъ и съ нашими дѣтьми, внуками, правнуками, которымъ должны мы уступить свое мѣсто. Все на этомъ свѣтѣ подвержено перемѣнѣ, и мы наблюдаемъ эту перемѣну—одни дольше, другіе меньше,—*семьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ осьмьдесятъ лѣтъ*; но когда наступитъ время и насъ потянетъ на покой, мы должны оставить свое мѣсто другимъ.

Весь родъ людской—одна семья. Всѣ мы родные: одни болѣе близкіе, другіе менѣе близкіе,—родные по нашимъ прародителямъ и по общей нашей матери—землѣ. Ни богатства, ни слава не измѣняютъ нашей начальной и конечной судьбы: одинаково рождается и царевичъ и дитя поденщика, одинаково истлѣваютъ тѣла людей безъ различія званія и состоянія. Мы всѣ—братья и сестры: у насъ одинъ Создатель—Отецъ нашъ Небесный. Встрѣтится человѣкъ съ человѣкомъ въ пустынѣ,—одинъ бѣлый, а другой черный: они подаютъ другъ другу руку и начинаютъ любить другъ друга, становятся братьями по духу, какъ будто одною матерью рождены, и весело начинаютъ жить вмѣстѣ. Сердца ихъ одинаково бьются для взаимной любви, одинаково искренно они молятся: *Отче нашъ, Иису еси на небесахъ*.

А такъ какъ мы всѣ дѣти одного Отца небеснаго, и между собою—братья и сестры, то нашъ долгъ любить другъ друга. Любовь наша не должна оканчиваться со смертью тѣла, ибо хотя всѣ мы тѣлесны, но у всѣхъ насъ есть безсмертный

духъ. Тѣло по смерти обращается въ прахъ, а духъ начинаетъ новую жизнь и остается связаннымъ съ нами посредствомъ любви. Не забудемъ, что мы не животныя безсловесныя; мы предназначены къ жизни вѣчной, а вѣчно пребываетъ одна любовь.—Чѣмъ сильнѣе у насъ духъ, чѣмъ больше мы уподобляемся Богу, тѣмъ большаго блаженства удостоимся послѣ смерти тѣла. Ибо *въ дому Отца* небеснаго обители многи суть, какъ сказалъ Спаситель. Но какъ здѣсь—на землѣ есть различныя степени мудрости, доброты, святости, такъ и тамъ, на небѣ, есть различныя степени блаженства. И хотя мы не знаемъ, въ какихъ степеняхъ блаженства пребываютъ въ загробной жизни наши близкіе и дальніе родственники, однако въ силу любви къ нимъ мы должны молиться за нихъ, чтобы они удостоились высшаго блаженства, должны творить о нихъ вѣчную память. Мы вѣруемъ, что въ это время и ихъ души молятся за насъ и такимъ образомъ поддерживается общеніе любви между живыми и умершими.

Мы творимъ память объ умершихъ, и намъ пріятно и утѣшительно думать, что когда насъ не станетъ на свѣтѣ, то наши дѣти, братья, родственники, сосѣди въ свою очередь будутъ поминать насъ въ нашихъ домахъ и церквахъ; намъ утѣшительно думать, что какъ имена нашихъ предковъ записаны въ нашихъ грамоткахъ, въ нашихъ поминаньяхъ, такъ нѣкогда будутъ записаны и наши имена, а съ ними и память о насъ непрерывно будетъ переходить изъ рода въ родъ. Вотъ почему св. Церковь заповѣдуетъ намъ молиться за умершихъ: это великое дѣло святой любви, которая есть *союзъ совершенства*.

Въ нашей Православной Церкви совершается память о всѣхъ умершихъ въ такъ называемыя поминальныя субботы. Но, кромѣ того, каждая хрістіанская семья имѣетъ еще и свои поминальные дни—годовщины смерти отца, матери, дѣда, бабушки, земныхъ благодѣтелей. Въ эти дни обыкновенно служатъ литургіи, совершаютъ панихиды, приносятъ въ церковь коливо и устраиваютъ обѣды. Коливо, то есть вареная пшеница съ медомъ, означаетъ, что мы надѣемся вмѣстѣ съ почившими вкусить сладостной жизни, гдѣ нѣтъ болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Обѣды устраиваются по примѣру вечери любви древнихъ хрістіанъ.

Кромѣ поминальныхъ субботъ, когда св. Церковь молится о всѣхъ усопшихъ чадахъ своихъ, нашъ народъ свято хранить древне-хрістіанскій обычай—въ понедѣльникъ Оминой недѣли совершать панихиды на кладбищѣ, на могилахъ умершихъ. Движимые чувствомъ любви и благодарности, мы въ этотъ день украшаемъ могилки покойниковъ, съ которыми при жизни были связаны узами родства и дружбы, благоухающими цвѣтами и вѣнками убираемъ кресты и надгробные памятники, зажигаемъ на могилахъ свѣчи и вмѣстѣ со священникомъ молимся о блаженномъ упокоеніи душъ усопшихъ нашихъ братій. Затѣмъ раздаемъ нищимъ милостыню и на могилахъ болѣе близкихъ людей предаемся благочестивымъ размышленіямъ о тлѣнности міра сего и о блаженствѣ загробной жизни. Умершіе въ этотъ день утѣшаются нашею сердечною привязанностію къ нимъ, нашею любовью и памятью о нихъ; они услаждаются плодами церковныхъ моленій и нашихъ жертвоприношеній. Поистинѣ это *общеніе святыхъ* живыхъ и умершихъ, это союзъ любви, пребывающей въ вѣкъ, это вѣчная память о тѣхъ, которые нѣкогда жили на землѣ, а теперь переселились въ иной міръ, оставивши послѣ себя лишь эти дорогія для насъ могилы.

И какъ любезенъ нашему народу этотъ благочестивый обычай, уходящій въ глубь времени! Сколько святыхъ чувствъ возбуждаетъ и поддерживаетъ онъ въ душѣ благочестиваго хрістіанина!.. Посмотрите, здѣсь ветхая старушка склонилась надъ едва замѣтною могилою, и изъ потускнѣвшихъ глазъ ея льются чистыя слезы: это старая вдова, которая вотъ ужъ двадцать слишкомъ лѣтъ какъ лишилась мужа, но никакъ не можетъ забыть его; она пришла къ нему въ гости, бесѣдуетъ съ нимъ, вспоминаетъ о томъ счастливомъ времени, когда они полюбили другъ друга и зажили душа въ душу, пока смерть не разлучила ихъ, и утѣшается мыслью о скоромъ свиданіи съ нимъ въ жизни загробной. А тамъ, неподалеку, маленькія дѣти окружили свѣжую могилу, покрывающую ихъ родную мать: осиротѣли бѣдняжки, теперь у нихъ мачиха въ домѣ, которая не прижметъ ихъ съ любовью къ сердцу, не приголубитъ, какъ родная. Здѣсь мужъ и жена стоятъ надъ могилою, глубоко печальные: единственное дитя ихъ,—краса, утѣха и надежда старости ихъ,

умерло, и вотъ на его могилкѣ разростаея уже сорная трава вокругъ каменной плиты съ печальною надписью. А тамъ, посреди кладбища стоитъ большой каменный крестъ, его обступило множество людей, которые вспоминаютъ о своемъ духовномъ пастырѣ; полвѣка онъ съ ними жилъ, всѣхъ крестилъ, всѣхъ вѣнчалъ, училъ безпрестанно и словомъ и примѣромъ своимъ. Не одинъ вздохнетъ и скажетъ: *со святыми упокой!* А тамъ подъ небольшимъ камнемъ почиваютъ кости простого хлѣбопашца: память его переходитъ изъ рода въ родъ, ибо—то мученикъ за правду, истинный народолюбецъ, много потрудившійся для блага своихъ односельцевъ: его стараніемъ построена и украшена приходская церковь, открыты народныя школы, искоренено пьянство и другіе пороки въ обществѣ. Надъ его могилой теперь стоятъ болѣе почтенные мужи, которые жили вмѣстѣ съ нимъ и которые, вспоминая о его славныхъ дѣлахъ, творятъ ему вѣчную память. Но есть на кладбищѣ и такія могилы, которыя высматриваютъ осиротѣлыми; на нихъ никого нѣтъ, никто даже свѣчки не поставитъ: въ нихъ лежатъ люди бѣдные, простые, ничѣмъ не извѣстные, ничего не сдѣлавшіе для общества, которое дало имъ только три аршина земли. Церковь одна не забываетъ и этихъ умершихъ: она и для нихъ читаетъ Псалтирь, и для нихъ совершаетъ панихиду.

Будемъ, дорогіе мои, молиться за умершихъ и совершать дѣло святой любви. Теперь мы молимся за нихъ, а черезъ годъ, быть можетъ, другіе будутъ молиться за насъ.

Благословеніе Обители Преподобнаго Сергія.

„Троицкіе Листки“
выходятъ безсрочно. Цѣна
за 100 листовъ 70 к., съ
пересылкою 90 к.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО
СЧЕТА
№ 105.

Адресъ:
Сергіевъ посадъ, Московской
губ., въ редакцію „Троицкихъ
Листковъ“.

Печатать дозволяется. Виенаія. Апрѣля 30 дня, 1902 года. Цензоръ,
Ректоръ Виенанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Бѣллевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

повсемѣстно,—не только народъ, но и тѣ малыши, которые учатся въ школахъ, не могутъ не примѣчать этого разлада... Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ близко стоятъ школы разныхъ вѣдомствъ, гдѣ представители учебнаго дѣла не солидарны между собою, это тотчасъ же отражается и на школьникахъ. Мы знаемъ, напримѣръ, случай, когда мальчуганъ изъ земской школы дразнилъ „церковника“: „у васъ все аллилуіа, да аллилуіа, а у насъ уже Финляндію прошли“... Или ученики земской школы съ небреженіемъ говорили нашимъ школьникамъ въ Великомъ постѣ: „вамъ лѣнь учиться, вотъ и ходите въ будни въ церковь къ какимъ-то преждеосвященнымъ обѣднямъ“... Любопытно: отъ

себя ли дѣти это говорятъ, или кто-то внушаетъ имъ такія рѣчи?..

Нѣтъ, въ такомъ великомъ, такомъ святомъ, такомъ отвѣтственномъ и предъ Богомъ и предъ народомъ дѣлѣ, какъ школьное воспитаніе, необходимо единодушіе всѣхъ дѣятелей его, необходимо всѣмъ сговориться, спѣться, чтобъ идеаль воспитанія души народной чрезъ посредство школы стоялъ ясно, твердо, непоколебимо въ глазахъ какъ самихъ дѣятелей, такъ и въ глазахъ народа—отцевъ и матерей этихъ школьниковъ... Иначе выходитъ какой-то бессмысленный соблазнъ, возбуждающій недоумѣніе въ простомъ, но здраво мыслящемъ русскомъ человѣкѣ.

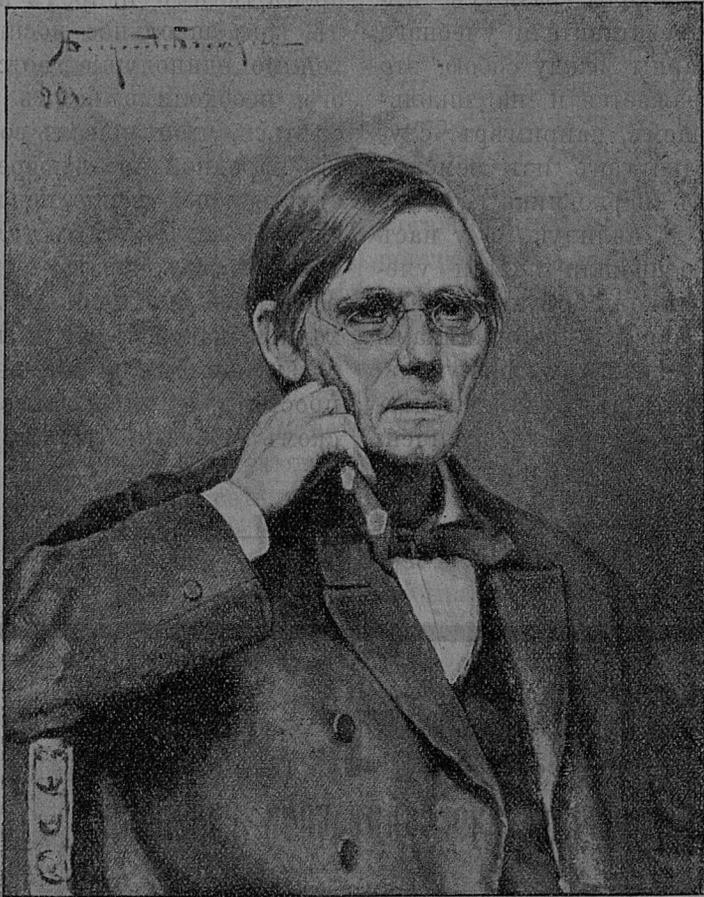
СЕРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РАЧИНСКІЙ.

Ушелъ къ Богу вѣрный и добрый рабъ Его, вѣрный и смиренный сынъ Церкви Православной, великій труженикъ-подвижникъ народнаго просвѣщенія въ духѣ родной Церкви... Не стало дорогаго нашей церковной школѣ Сергѣя Александровича Рачинскаго....

Болью сжимается сердце при одной мысли о такой незамѣнимой потерѣ... Едвали мы увеличимъ, если скажемъ, что

вся школьная Русь знала и чтילה этого подвижника-педагога; тысячи лицъ переписывались съ нимъ, такъ что онъ въ шутку называлъ всю массу получаемыхъ имъ писемъ „обозомъ къ потомству“...

Да и одни ли они, эти безчисленные корреспонденты почившаго, одни ли тѣ, кому дороги интересы Церкви, интересы народнаго воспитанія, будутъ оплакивать его кончину? Вотъ что

С. Рагинский.

пишетъ намъ, подъ впечатлѣніемъ горестной вѣсти, одинъ изъ православныхъ Русскихъ людей: „какъ мнѣ жаль, какъ больно жаль С. А. Рагинскаго! Пусть я его никогда не видалъ, и не писалъ къ нему, но онъ близокъ и дорогъ былъ душѣ моей; легче жилось на

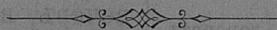
свѣтѣ, когда вспоминалось, что среди современниковъ моихъ есть еще такой человѣкъ“!..

Блестящій профессоръ, докторъ своей специальной науки, оставляетъ во цвѣтѣ лѣтъ свою университетскую кафедру, удаляется въ сельскую глушь своего имѣнія, строить тамъ про-

стую сельскую школу, смиренно держать даже экзаменъ на сельскаго учителя,—и всѣ свои силы, все знаніе, все свое сердце отдаетъ крестьянскимъ дѣтямъ... Онъ живетъ среди нихъ, забывъ даже свой домъ, ютится въ той же школѣ,—отецъ родной такъ не болѣетъ душой о своихъ дѣтяхъ, какъ этотъ ученый мужъ о малыхъ сихъ... Онъ живетъ ихъ радостями, горюетъ ихъ печалями. Его школу нельзя было представить безъ церкви, какъ трудно было представить себѣ Татевскую церковь безъ ближайшаго участія въ ея службахъ и заботахъ объ ея благолѣпіи Татевской школы, во главѣ съ самимъ незабвеннымъ ея основателемъ. Въ общеніи съ Церковью онъ и самъ черпалъ, и своихъ питомцевъ приучалъ почерпать духовныя силы для воспитанія дѣтей Русскаго народа. Въ его школѣ все вѣяло церковностью, духомъ той беззавѣтной взаимной любви, которая воспитывается только подъ благодатнымъ руководствомъ Православной Церкви и оставляетъ на питомцахъ свою чистую, свѣтлую печать на всю ихъ послѣдующую жизнь... Проходятъ годы, смѣняется не одно поколѣніе, у него уже учатся дѣти его учениковъ, а онъ все тотъ же—добрый, ко всѣмъ ласко-

вый, сердечный и всѣми беззавѣтно любимый учитель Сергѣй Александровичъ. Его ученики становятся извѣстными художниками, общественными дѣятелями, пастырями Церкви, но милое Татеево, это теплое гнѣздышко, гдѣ они были пригрѣты любовью этого дивнаго чело-вѣка, все такъ же тянетъ ихъ къ себѣ, и тутъ, подъ кровомъ своего горячо любимаго учителя, они отдыхаютъ душой, съ открытымъ сердцемъ ловя каждое слово этого дорогого для нихъ чело-вѣка, съ тою же до-вѣрчивостью, съ тою же дѣтскою преданностью къ нему, какъ во дни оны—увы—давно минувшіе...

Откликнитесь же теперь, вы, достойные питомцы этого смиреннаго сердцемъ учителя и воспитателя вашего, откликнитесь: излейте свою скорбь, поплачемъ вмѣстѣ и помолимся вмѣстѣ за дорогаго сына Руси Святой!.. Подѣлитесь съ нами, такъ мало лично его знавшими, но глубоко его полюбившими, подѣлитесь своими воспомина-ніями о немъ, пусть онъ еще разъ и не разъ только встанетъ предъ духовнымъ взоромъ нашимъ, пусть онъ еще и еще побесѣдуетъ съ нами въ своихъ письмахъ, коимъ нѣтъ числа...

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Продолженіе ¹⁾).

V.

Съ великимъ благоговѣніемъ принялъ Михаилъ Ивановичъ благозвѣстіе о своемъ рукоположеніи. „Страшно много, писалъ онъ мнѣ незадолго до сего, отвѣтственность предъ Богомъ велика, но Богъ видитъ мое сердце. Если бы Ему не было угодно, Онъ не помогаль бы мнѣ. Его святая воля, Его помощь — вотъ моя главная надежда. Это, и только это, ободряетъ меня. Съ землей, съ міромъ, съ суетой, честолюбіемъ—прощаюсь... Сердечная благодарность владыкѣ милостивому... Мною руководить одно желаніе—быть ближе къ Тому, Кто даетъ цѣну всей нашей жизни и дѣятельности... Сепарма! скажу словомъ преосвященнаго Теофана“.

Съ восторгомъ писалъ онъ мнѣ послѣ рукоположенія: „я уже іерей... Что ты пишешь о молитвѣ? Или забуду?! Ты-то меня не забудь! А вотъ намъ съ тобой великое утѣшеніе: было благодатное явленіе отъ нашего образа ²⁾. Въ день моего посвященія во діакона—было освященіе великолѣпнаго, серебрянаго вызолоченнаго оклада на нашу икону Спасителя. Конечно—вышло непредумышленно. О моемъ посвященіи знали немногіе. Дѣло было такъ: одна моя знакомая, получивъ на Рождествѣ отъ меня въ подарокъ образъ (на бумагѣ) заболѣла очень тяжело, такъ что медикъ объявилъ бесполезною медицинскую помощь. Она молилась предъ моимъ образомъ,

ибо полюбила его, и дала обѣтъ по выздоровленіи сдѣлать окладъ. Первое, на что упала ея взглядъ, когда она почувствовала себя лучше, былъ ликъ Спасителя. Выздоровѣвъ, она немедленно исполнила свой обѣтъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, я, 26-го, въ день посвященія уже во священника, посѣтилъ почтенную старушку. Она встрѣтила меня съ образомъ Спасителя. „Вотъ Кто исцѣлилъ меня!“ таковы были ея первыя слова... Да возрадуется твое сердце, какъ возрадовалось мое!“

Въ новомъ благодатномъ званіи о. Михаилъ весь отдался служенію пастырскому. Въ Институтѣ онъ былъ законоучителемъ, а въ Воспитательномъ Домѣ—приходскимъ священникомъ. Въ Институтѣ онъ старался запечатлѣть въ душахъ „будущихъ воспитательницъ“ тѣ святыя истины, которыя были для него дороже всего на землѣ; въ Воспитательномъ Домѣ онъ съ любовью спускался во всѣ нижніе этажи, гдѣ витала бѣдность и горе, и вездѣ являлся ангеломъ-утѣшителемъ, съ лаской и любовью бесѣдуя съ больными, съ теплымъ участіемъ относясь къ ихъ положенію. Онъ не только, бывало, скажетъ теплое слово матери-родильницѣ, но и поцѣлуетъ, благословитъ новорожденнаго,—для всѣхъ у него было готово слово совѣта, ободренія и утѣшенія. Утомленный физически, но бодрый нравственно, возвращался онъ подъ вечеръ въ первый день Рождества или Пасхи въ свою семью. „Меня до глубины души трогаетъ и радуется,—

¹⁾ См. № 4.

²⁾ Различаемъ чудеса, о которыхъ говорятъ частныя лица, отъ чудесъ признанныхъ таковыми высшею церковною властью.

говаривалъ онъ,—эта чистенькая, прибранная бѣднота, эта зажженная передъ образомъ лампадка, это благоговѣйное ожиданіе священника со святынею. Одно только смущаетъ меня,—прибавить онъ, бывало: это необходимость принимать отъ нихъ ихъ гривенники и двугривенные, а не брать нельзя, потому что даются отъ усердія къ Богу, нельзя оскорблять человѣка въ такихъ чувствахъ“. И онъ бралъ съ тѣмъ, чтобы вернуть бѣднякамъ при первой возможности ихъ гроши въ той или другой, не обидной для нихъ формѣ. А сдѣлать это ему, какъ человѣку, близко стоявшему ко всѣмъ нуждамъ Воспитательнаго дома, представлялось не мало случаевъ. Зато и полюбили о. Михаила въ Воспитательномъ Домѣ. Когда онъ, уходя оттуда, говорилъ въ церкви свое прощальное слово, тамъ слышались рыданія. И на новомъ мѣстѣ его служенія, вплоть до отъѣзда его въ Петербургъ, воспитанницы Воспитательнаго дома каждый большой праздникъ въ значительномъ количествѣ являлись на его квартиру съ обязательною просфорою въ рукахъ, чтобъ поздравить своего любимаго батюшку и пожелать ему всего хорошаго.

Кромѣ пастырской дѣятельности въ Воспитательномъ домѣ, о. Михаилъ долженъ былъ, какъ сказали мы выше, давать уроки Закона Божія въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Сознаніе важности предстоящаго ему дѣла заставило его посвятить приготовленію себя къ нему все лѣто 1895 года. Конечно, эти приготовления состояли не въ приобрѣтеніи необходимыхъ для законоучителя знаній,—знаній имѣлъ о. Михаилъ слишкомъ достаточно: ему хотѣлось уяснить себѣ, во всѣхъ его подробностяхъ,

самый вопросъ о законоучительствѣ, о положеніи Закона Божія среди другихъ предметовъ школьнаго преподаванія, о способѣ веденія дѣла и пр. Результатомъ этихъ размышленій явился цѣлый рядъ его статей въ *Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ указанные вопросы рассмотрѣны во всѣхъ подробностяхъ и со всѣхъ необходимыхъ сторонъ ¹⁾.

Для воспитанницъ его уроки были чѣмъ то новымъ, небывалымъ; они жалѣли, когда кончался урокъ: такую задушевностью, искреннею вѣрою и благоговѣніемъ къ святому предмету Закона Божія вѣяло отъ этихъ уроковъ.

Мы видѣли искреннія, непритворныя дѣтскія слезы надъ его безвременнымъ гробомъ, мы слышали ихъ согрѣтыя чистымъ дѣтскимъ чувствомъ, проникнутыя глубокимъ неподдѣльнымъ горемъ рѣчи надъ его останками; намъ извѣстны многочисленные рассказы о безграничномъ благоговѣніи къ своему батюшкѣ бывшихъ его воспитанницъ, и мы не сомнѣваемся, не можемъ сомнѣваться, что въ лицѣ о. Михаила, какъ законоучителя „не оскудѣ среди насъ преподобный“. И пусть скажетъ любая изъ его ученицъ, слушавшая изъ его устъ уроки Закона Божія: развѣ и надъ его гробомъ нельзя съ полнымъ убѣжденіемъ повторить тѣхъ же самыхъ словъ, которыми заканчиваетъ одну свою статью о. Михаилъ, припомнивъ ученическую рѣчь надъ гробомъ одного изъ своихъ старѣйшихъ собратьевъ по законоучительству: „О, твой свѣтлый образъ предстанетъ намъ и на одрѣ смерти съ тѣми святыми истинами и обѣтованіями, какія мы слышали отъ тебя!“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Душ. Чт. 1900 г. Май, 58—9.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

За птичекъ Божьихъ.

Въ одинъ прекрасный весенній день, едва я переступилъ школьный порогъ, какъ сразу замѣтилъ, что въ школѣ творится что-то необычайное. Всѣ мои ребятишки толпились въ углу классной комнаты. Свѣсившись другъ другу черезъ плечо, они очевидно были погружены въ разсматриваніе чего-то замѣчательнаго, если даже не замѣтили моего прихода. Я тихо подошелъ сзади и заглянулъ черезъ ихъ головы... Посреди толпы металась галка съ подрѣзанными крыльями. При каждомъ удачномъ прыжкѣ чернаго плѣнника раздавался взрывъ дѣтскаго смѣха. Мнѣ тяжело стало смотрѣть на эту потѣху и я рѣшился прервать ее.

— Здравствуйте, дѣти! сказалъ я громко. Дѣти повернулись ко мнѣ съ веселыми оживленными лицами.

— Здравствуйте, Тихонъ Александровичъ, здравствуйте! А мы вамъ галку принесли въ подарокъ.

— Спасибо. Покажитежъ мнѣ.

Дѣти разступились и галка препотѣшно запрыгала по комнатѣ, испуганно ворочая глазами и длиннымъ сырмъ носомъ.

— Ну и гостинецъ! замѣтилъ шутникъ Клешневъ и смѣшно скривилъ свой носъ.

Вся школа покатилаь отъ смѣха.

— Ну, ребята, по мѣстамъ! Читайте молитву.

На урокъ была прочитана статья о пользѣ, приносимой человѣку птицами чрезъ истребленіе различныхъ вредныхъ насѣкомыхъ.

— Вы знаете, ребята, говорилъ я,

сколько вреда причиняютъ нашимъ хлѣбамъ разные насѣкомые. Отъ саранчи погибаетъ иногда вся жатва. Садовые черви поѣдаютъ на деревьяхъ не только цвѣты но и листья. Развѣ вы не видали такихъ оголенныхъ садовъ?

— Видали. У насъ самихъ въ за-прошломъ году такъ было.

— Вотъ видите. Тутъ то на помощь человѣку и приходятъ птицы. Въ одной заморской странѣ отъ червей сильно страдали хлѣба. На счастье жители догадались: они издали законъ, чтобы всякій переселенецъ въ ихъ страну привозилъ съ собою пару воробьевъ. Воробьи скоро размножились и количество вредныхъ насѣкомыхъ замѣтно уменьшилось. И въ Россіи, въ Донскихъ степныхъ мѣстахъ есть обычай ставить шесты съ ящиками, гдѣ скворцы могли бы устроить себѣ гнѣздо. Если у насъ не замѣтно большаго вреда отъ червей то, должно быть, потому, что въ окружающихъ наше село лѣсахъ водится много птицъ.

— Да у насъ птицъ много, подтвердили школьники. Рожновъ за одинъ день набралъ разъ цѣлую шапку яицъ.

— Я не зналъ, оправдывался Рожновъ, бойкій бѣлокурый мальчижъ.

— А все таки, неужели цѣлую шапку набралъ?

— Цѣлую шапку.

— Да зачѣмъ же это? Сколько ты истребилъ друзей человѣка? Безъ тебя сколько бы вывелось птенчиковъ? Сколько бы они уничтожили червяковъ? Считалъ ли ты хоть разъ, сколько одна ласточка ловить въ день мошекъ

для пропитанья своихъ дѣтокъ? Если вы будете разорять птичьи гнѣзда, вы доживете до того, что распугаете всѣхъ птицъ и онѣ покинутъ наши лѣса.

— Мы больше не будемъ. Мы не знали, что безъ птицъ мы насидимся безъ хлѣба.

— Ну слушайте, ребята. За границей существуютъ дѣтскіе союзы, которые ставятъ своею задачею защиту птицъ. Они не только не разоряютъ гнѣздъ, но во время сильныхъ холодовъ зимою ставятъ въ лѣсахъ снопы хлѣба, чтобы поддержать жизнь птицъ. Царскій дядя Великій Князь Сергій Александровичъ проситъ учителей образовывать такіе же союзы и у насъ. Дайте же честное, благородное слово, что вы не только не будете сами разорять гнѣздъ, но будете удерживать отъ этого и другихъ мальчиковъ. Поднимите руки!

Всѣ школьники вскочили и подняли кверху руки.

— Всѣ даете слово?

— Всѣ.

— Садитесь. А съ галкой что намъ дѣлать? Зачѣмъ вы подрѣзали ей крылья? Теперь, если выпустить ее на волю, она пропадетъ.

Наступило молчаніе. Но вотъ поднимается Вася Рожновъ, и заявляетъ:

— Отдайте мнѣ галку. У насъ хлѣба много и я буду кормить ее, покуда она сдохнетъ.

— Бери. Но смотри же, корми, чтобы не скоро сдохла.

Была весна въ полномъ разцвѣтѣ. Луга были покрыты зеленымъ ковромъ. Въ лѣсахъ заливались соловьи на разные лады. Я сидѣлъ на пасѣнкѣ и полною грудью вдыхалъ здоровый ароматный воздухъ полей. Не большая кучка моихъ рябятишекъ бродила по

берегу рѣки и срѣзала для корзины тонкіе ивовые прутья. Въ это время на обрывѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка заворачиваетъ къ Пѣсношенскому монастырю, показался Ваня Соколовъ, одинъ изъ тѣхъ мальчиковъ, которые избѣжали вліянія школы. Осторожно раздвигая палкой ивовые кусты, онъ внимательно осматривалъ берегъ. Но вотъ онъ остановился и махнулъ школьникамъ палкой.

— Чего тебѣ? спросилъ Тимковъ.

— Идите сюда!

— Зачѣмъ?

— Вонъ пичужка сидитъ.

При словѣ „пичужка“ школьники пустились къ Соколову бѣгомъ. Въ указанномъ имъ направленіи они увидѣли въ небольшомъ углубленіи глинистаго берега маленькую сѣренькую птичку. Дѣти тихо подошли ближе. По безпокойнымъ глазкамъ птички видно было, что она замѣтила своихъ враговъ, но она мужественно не покидала своего гнѣзда. Распростерши свои крылышки, она казалась прижалась къ нему всѣмъ своимъ существомъ. Соколовъ подкрался и накрылъ ее палкой. Черезъ минуту птичка безпомощно билась въ его рукахъ. Слышно было какъ колотилось ея маленькое сердечко. А въ тепленькомъ гнѣздышкѣ сидѣла кучка голенькихъ пташекъ. Отъ холода они поводили въ воздухѣ своими чорненькими головками съ закрытыми, еще слѣпыми глазками.

— Пусти птицу, попросили школьники.

— Не пущу, отвѣтилъ Соколовъ.

— На что она тебѣ?

— Погуляюсь да и отдамъ кошкѣ.

— Рожновъ заволновался.

— Пусти! Царскій дядя не велѣлъ трогать птицъ.

— Врешь.

— Нѣтъ, правду говорю. Бумага такая пришла. Самъ Тихонъ Александровичъ говорилъ.

— И Тихонъ Александровичъ вретъ.

— Самъ ты врешь, а Тихонъ Александровичъ не вретъ.

— Да чего ты присталь ко мнѣ, какъ смола?

— А ты пусти птицу.

— Сказаль не пущу, ну и не пущу.

— Пусти! Посмотри, какія у нея птичинята!

— Я и птичинята заберу.

— Да ну пусти. Я тебѣ бубликовъ дамъ.

— Давай.

— Сейчасъ нѣту, какъ будутъ.

— Долго доже ждать. Лучше я птицу кошкѣ скормлю.

Рожновъ вспыхнулъ, какъ огонь, и стремительно бросился къ Соколову, чтобы отнять птицу. Соколовъ отскочилъ на шагъ и взмахнулъ палкой. Ударъ пришелся по виску. Шапка слетѣла съ головы Рожнова и онъ кубаремъ полетѣлъ съ обрыва внизъ. Какъ испуганная стая птицъ, разсыпались школьники во всѣ стороны. Нѣкоторые изъ нихъ прибѣжали ко мнѣ на пасѣку, стоящую тутъ же въ лѣсу.

— Тихонъ Александровичъ, Тихонъ Александровичъ, Рожнова убили!

— Убили? Гдѣ? Скорѣй къ нему!

Мертвенно блѣдный лежалъ Рожновъ на песчаномъ берегу рѣки. Отъ глазъ и до виска кожа была разсѣчена и алыми каплями выступала кровь. Я разорвалъ сорочку и наложилъ повязку на его рану. Потомъ разстегнулъ кафтанчикъ и началъ поливать грудь и лицо водой. Скоро дрожь пробѣжала по тѣлу Рожнова. Вѣки замигали и глаза открылись.

— Пить! — тихо простоналъ Рожновъ.

Я зачерпнулъ картузомъ изъ рѣки воды и поднесъ къ его губамъ. Онъ съ жадностью напился и снова закрылъ глаза. Мы положили Рожнова на разосланную свитку и понесли домой.

На другой день я купилъ въ городѣ двѣ французскихъ булки и пошелъ провѣдать больнаго. Прикрытый шубой онъ лежалъ на лавкѣ подъ самыми образами. Скоро послѣ меня пришли и нѣкоторые изъ школьниковъ. Одинъ изъ нихъ подаль Рожнову свистульку, сдѣланную изъ ивой вѣтки.

— Это Соколовъ велѣлъ тебѣ передать. Говорить: „скажите ему, пускай таскаетъ меня за волосья, сколько хочеть, я не буду обороняться“.

— А птицу отдалъ кошкѣ? быстро спросилъ Рожновъ.

— Птицу? Птицу давно уже выпустилъ.

Краска выступила на лицѣ больнаго и глаза его заискрились отъ радости.

— Скажите ему, пускай придетъ ко мнѣ.

— Да онъ тутъ на улицѣ, да боится войти.

— Зовите его сюда!

Ребята высочили изъ хаты и вернулись съ отвѣтомъ: боится.

— Да чего же онъ боится? Пускай идетъ.

Я вышелъ на крыльцо. Соколовъ стоялъ въ кучкѣ мальчиковъ и ковырялъ палкой землю.

— Соколовъ, иди, тебя зоветъ Рожновъ.—Соколовъ вяло отдѣлился отъ толпы и пошелъ за мною въ хату. Онъ остановился около порога и отъ смущенія то мять руками шапку съ вылизшею шерстью, то, запуская въ карманъ руку и перебиралъ тамъ какія-то вещи. Смущеннымъ казался и Рожновъ. Онъ то блѣднѣлъ, то крас-

нѣлъ и видимо хотѣлъ что-то сказать и не рѣшался.

— Соколовъ, иди къ намъ, позвалъ я.

Соколовъ, понурившись, подошелъ къ Рожнову, вынулъ изъ кармана и положилъ на лавку два обгрызанныхъ и запачканныхъ куска сахару.

— А птицу выпустилъ? спросилъ Рожновъ и покраснѣлъ какъ кумачъ.

— Давно выпустилъ. Ты не сердись на меня.

— Я не сержусь. На—тебѣ за птицу!

— Рожновъ подаль Соколову французскую булку.

— Не надо, я такъ...

— Бери, не трогай только птицъ.

— Не буду. Не сердись только на меня.

— Да я и не сердился. Берижь булку!

— Не пужно.

— Бери, а то твоего сахара не возьму.

Соколовъ засопѣлъ носомъ и взялъ булку. Рожновъ покраснѣлъ еще больше и, чтобы скрыть свое волненіе, отвернулся къ стѣнѣ. Я чувствовалъ, что слезы подступаютъ и къ моимъ глазамъ. Я наклонился и поцѣловалъ большую голову. Рожновъ вдругъ порывисто сбросилъ съ себя шубу и, обливаясь слезами, обхватилъ мою шею руками:

— Тихонъ Александровичъ, да какъ же я васъ люблю!

Я слышалъ, что за моей спиной засопѣлъ носомъ не одинъ Соколовъ...

Вотъ за такія минуты я ни за что не брошу учительства.

Т. А. Гр.

ПОСТЫ И ВХОДЫ.

VI.

Нѣчто о вѣншней дисциплинѣ и порядкѣ.

Справедливо замѣчаетъ одинъ изъ отчетовъ (Холмско-Варшавскій), что пріученіе дѣтей къ вѣншнему порядку и благообразію имѣетъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ вообще воспитанія души и заслуживаетъ посему особаго вниманія и заботливости.

По поводу этого замѣчанія намъ припомнилось одно изъ Палестинскихъ наблюдений, въ свое время произшедшее на насъ сильнѣйшее впечатлѣніе и неизгладимо врѣзавшееся въ памяти.

Дѣло было въ г. Бейрутѣ, въ школѣ, содержимой на средства извѣстной благотворительницы М. А. Черкасовой, которая—поистинѣ—душу свою полагаетъ за свое излюбленное дѣтище. Довольно сказать, что она сама живетъ при этой школѣ,

не отлучаясь изъ нея никуда и забывъ ради нея все, даже въ родной Россіи. Все въ этой школѣ намъ показалось необыкновенно хорошо и смѣло скажу—идеально, и со стороны обученія, и со стороны воспитанія. Питомцевъ до 400 человекъ, большинство дѣвочки-арабки; изъ нихъ въ младшемъ классѣ намъ показали такихъ, коимъ было всего около 3 лѣтъ и которыя здѣсь уже настолько развиты, что способны усвоить кое что... Оставляя подробное и чрезвычайно любопытное описаніе этой школы, съ такою честью поддерживающей русское имя на иноплеменномъ Востоцкѣ, до другого раза, мы нашли здѣсь кетати использовать одно маленькое наблюденіе надъ идеальной дисциплиною означенной школы.

Въ разгаръ лѣтняго Палестинскаго дня,

во всемъ разгарѣ шло благодѣтельное Богоугоднѣйшее дѣло просвѣщенія 400 арабскихъ дѣтей свѣтомъ Христовой истины... Но вотъ... пронзительно пробилъ звонокъ, объявляющій перерывъ урока для отдыха, и намъ пришлось полюбоваться такою, нигдѣ въ Россіи еще невиданною нами, картиною. На широкій гладкій дворъ школы тихо, безъ всякаго шума, но и не сонно—высыпало до 400 дѣтей, малъ-мала меньше, и всѣ начали оживленную прогулку. Тутъ не было ни бѣготни, ни крика, ни шалостей, которыя обычно считают неустрашимыми и даже необходимыми въ этомъ дѣтскомъ возрастѣ. Дѣти чинно расхаживали по двору, одни оживленно болтая, обнявшись другъ съ другомъ, другія ходили съ книжками и вслухъ что-то по нимъ читали. Такъ продолжалось съ $\frac{1}{2}$ часа. Но вотъ, раздался опять звонокъ, приглашающій всѣхъ въ классъ на урокъ. Въ любой русской школѣ мы увидѣли бы тотчасъ же за этимъ звонкомъ толкотню у дверей, пожалуй брань, шумъ и безпорядокъ... Но то, что мы увидѣли здѣсь, превзошло все нами ожидаемое. Дѣвочки на одинъ моментъ каждая какъ бы оцѣпенѣла въ томъ положеніи и на томъ мѣстѣ, гдѣ засталъ её звонокъ. Затѣмъ, такъ же ментально—всѣ онѣ съ замѣчательною безшумностію и чинностію выстроились предъ дверями школы въ двѣ длинныя колонны, параллельно фасаду школы и лицомъ къ

дверямъ. Еще мгновеніе, и изъ самой середины этихъ колоннъ, приходившейся какъ разъ противъ самыхъ дверей, тихо выдѣлились по двѣ сосѣднія дѣвочки и пара за парой, сложивъ на груди руки, вошли въ дверь; оставшееся за ихъ уходомъ пустое пространство замыкалось сдвигавшимися колоннами, новая середина ихъ по примѣру первой исчезала за дверью, пара за парой быстро, но замѣчательно скромно и безшумно: колонны сокращались все болѣе и болѣе, и, наконецъ, на дворѣ, всего въ какихъ нибудь 2—3 мгновенія не было никого, и въ самыхъ классахъ царил уже абсолютная тишина. Когда мы вслѣдъ за послѣднею парой вошли въ одинъ изъ классовъ, уже шло своимъ чередомъ и преподаваніе.

Пустое ли и напрасное ли это стѣсненіе дѣтской свободы и живости, или симпатичнѣйшее и необходимѣйшее ея урегулированіе? Безъ всякаго сомнѣнія, скорѣе послѣднее, чѣмъ первое. Разумный порядокъ совершенно не ослабляетъ разумной оживленности и здраво-полезной дѣтской рѣзвости, и воспитаніе самаго благоговѣйнаго уваженія къ этому порядку, разумнаго владѣнія собой и держанія себя во внѣшности одно изъ выразительнѣйшихъ показаній высокаго внутренняго благородства и достоинства человѣка, а вмѣстѣ и одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для воспитанія этого благородства и достоинства...

Страничка для дѣтей.

Святый отрокъ—будущій Зырянскій апостоль.

(Дѣтство св. Стефана Пермскаго).

то было давно: пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Въ городѣ Устюгѣ, Вологодской губерніи, у однихъ благочестивыхъ ро-

дителей Симеона и Маріи родился, къ великому утѣшенію ихъ, малютка, котораго они назвали Стефаномъ. Стефанъ былъ дивный

мальчикъ. Еще когда его матери было всего только три года, ей было предсказано о будущемъ величіи ея сына Стефана. Однажды добрая дѣвочка Марія, будущая мать св. Стефана, шла изъ храма. На церковной паперти ее остановилъ жившій тогда въ Устюгѣ чудотворецъ Прокопій и, поклонившись ей до земли, сказалъ окружающему его народу: „вотъ идетъ мать Стефана, который будетъ мужъ великій въ слугахъ Божіихъ“. Изъ глубокой древности сохранилось и еще одно сказаніе, что малютка Стефанъ только что отданный въ наученіе грамотѣ, тотчасъ же безъ постороннихъ внушеній, по тайному влеченію своего дѣтски-чистаго сердца, сталъ изучать кромѣ своего роднаго языка еще языкъ Зырянь. Зыряне—это особый народъ. Они были тогда еще язычники и не вѣровали въ Христа, и къ нимъ еще не приходили такіе наставники, которые могли бы на ихъ родномъ языкѣ проповѣдывать имъ ученіе Христа. Вотъ святой Стефанъ и сталъ изучать ихъ языкъ, чтобы со временемъ проповѣдывать имъ нашего Господа. Поистинѣ святой мальчикъ: ни дѣтскія игры, ни дѣтскія забавы—ничто не интересовало его! Проводя по нѣскольку часовъ за книгами, святой отрокъ въ свободное отъ занятій время обыкновенно любилъ бродить по высокому берегу многоводной, поросшей лѣсами, сосѣдней рѣки. И это время прогулки не было для него бесполезнымъ. Здѣсь

онъ встрѣчался съ язычниками, которые въ большомъ количествѣ съѣзжались въ Устюгъ въ базарные дни. Онъ дивился ихъ одеждамъ, сшитымъ изъ оленьихъ и другихъ звѣриныхъ шкуръ, ихъ легкимъ санкамъ, запряженнымъ быстроногими оленями, на которыхъ съѣзжавшіеся на торгъ Зыряне привозили разные мѣха убитыхъ ими звѣрей. Бойкій и любознательный мальчикъ внимательно присматривался къ этимъ страннымъ звѣроловамъ, говорившимъ на какомъ-то странномъ и для него еще тогда мало понятномъ языкѣ, который онъ только что началъ изучать; онъ сталъ внимательно спрашивать о нихъ своего отца, который давно уже былъ причетникомъ при соборной городской церкви и хорошо зналъ многихъ пріѣзжавшихъ на торгъ. „Что это за—люди?“—спрашивалъ обыкновенно мальчикъ Стефанъ своего отца. „Это Пермьки и Зыряне“—отвѣчалъ своему доброму и послушному сыну отецъ. „Живутъ они,—разъяснялъ далѣе отецъ,—близехонько къ нашему городу. Рѣкою до ихъ земли всего только одинъ день пути. Да они къ себѣ Русскихъ людей не пускаютъ ни жить, ни селиться... Живутъ въ дремучихъ лѣсахъ... Поклоняются своимъ идоламъ, а хрістіанствомъ просвѣтить ихъ нельзя, потому что они нашей грамоты не знаютъ, да и знать не хотятъ; а своей грамоты у нихъ нѣтъ. При томъ и кудесники у нихъ люди злые

и жестокіе; если-бы даже и нашлся такой человекъ, который-бы вздумалъ итти въ ихъ землю и проповѣдывать имъ слово Божіе, — жрецы ихъ, навѣрно, предали-бы его мучительной смерти. “Чутко прислушивался добрый мальчикъ къ простымъ рѣчамъ своего престарѣлаго отца, и глубоко запечатлѣваль ихъ въ своемъ чистомъ умѣ. Съ этого времени онъ началъ неопустительно присутствовать на торгахъ, бывшихъ въ городѣ Устюгѣ, куда съѣзжались съ своими товарами Пермязи и Зыряне, прислушивался къ ихъ шумному говору, запоминалъ слова и звуки ихъ языка, спрашивалъ торговцевъ, знавшихъ по зырянски и скоро овладѣлъ этимъ чуждымъ языкомъ. Въ короткое время онъ научился ему такъ, что уже могъ объясняться на немъ съ пріѣзжавшими въ Устюгъ язычниками и даже удивлялъ ихъ бойкостью своей рѣчи и правильностію выговора. Такимъ образомъ, на святомъ отрокѣ Стефанѣ уже съ дѣтства почивала благодать Божія, которая освящала всѣ поступки мальчика и неисповѣдимыми судьбами приготавливала его къ благовѣстію о Христв. Такъ охраняетъ Богъ всѣхъ тѣхъ дѣтей, которые любить и прославляютъ Его!

Неполѣтамъ преуспѣваль святой Стефанъ въ чтеніи слова Божія и другихъ душеспасительныхъ книгъ. Своею памятію и пониманіемъ священныхъ книгъ онъ превосходилъ всѣхъ своихъ сверстниковъ

по ученію и, спустя годъ послѣ ученія онъ могъ уже свободно читать слово Божіе въ своемъ родномъ храмѣ, гдѣ онъ скоро сдѣлался соборнымъ чтецомъ. Началь святой отрокъ учиться съ молитвою къ Богу, и Богу-же сталъ служить, научившись грамотѣ!

И чѣмъ сильнѣе разгоралась въ святомъ отрокѣ любовь къ Творцу, тѣмъ задумчивѣе и задумчивѣе становился онъ. А задумывался онъ надъ тѣмъ, что жизнь человека такъ-же недолговѣчна, какъ жизнь полевого цвѣтка. Недолго растеть, недолго красуется цвѣтокъ на полянахъ. Подуетъ ли холодный вѣтерокъ, или срѣжутъ его косою, — пышный цвѣточекъ тотчасъ гибнетъ и теряетъ весь свой нарядъ. Такъ и человекъ, рассуждалъ благодатный отрокъ, живетъ, веселится, и потомъ умираетъ. А тамъ наступаетъ вѣчная нескончаемая жизнь. И вмѣстѣ съ этимъ начинается райское блаженство святыхъ и мученіе грѣшниковъ... И вотъ, чтобы избѣжать этихъ мученій и угодить Богу, онъ сталъ постоянно вспоминать про себя слова святаго Апостола, что *„всѣмъ намъ должно явиться предъ судилище Христово, чтобы каждому получить, соответственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое“* (2 Посл. къ Кор. 5 гл. 10 ст.). И не на однихъ только словахъ, какъ это бываетъ въ наши дни, показывалъ святой отрокъ свое благочестіе. Нѣтъ. Желая сдѣлаться, по слову Спасителя, *совершеннымъ,*

святый Стефанъ, полный страха Божія, рѣшилъся уйти въ монастырь и сдѣлаться инокомъ, чтобы здѣсь въ тиши уединенія предаться молитвѣ и изученію языка Зырянъ, къ которымъ онъ задумалъ итти проповѣдывать...

Смотрите, дѣтки, какъ любилъ этотъ отрокъ своего Господа. Не ради забавы учился онъ, и не для того, чтобы читать дурныя книжки изучалъ онъ грамоту, а для того, чтобы славословить Бога и научить любить Бога и тѣхъ, кто не зналъ Его. Вотъ, за это-то Богъ и возвеличилъ святого отрока! Вотъ за это-то Онъ и помогалъ ему! Вотъ за это-то Онъ и спасалъ его отъ всѣхъ бѣдствій! А бѣдствій много было въ жизни Стефана, когда онъ выросъ и пошелъ проповѣдывать къ язычникамъ — Зырянамъ въ непроходимыя лѣса, въ чащѣ которыхъ бѣгали дикіе звѣри. Но ничто: ни скудость пищи, ни нападенія язычниковъ, ни злые духи, ни дикіе звѣри не страшили его. Съ Богомъ ничто не страшно человѣку! Не зналъ никакихъ страховъ и святый Стефанъ, съ

дѣтства полюбившій Господа. Онъ обратилъ ко Христу многихъ язычниковъ, былъ потомъ епископомъ и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ въ 1396 году. И когда умиралъ онъ, то прежніе язычники Зыряне, сдѣлавшіеся теперь, послѣ его проповѣди, хрістіанами рыдали, какъ малыя дѣти. „Горе намъ, говорили они, лишились мы добраго пастыря своего и учителя!.. Ты, проповѣдывалъ намъ Бога истиннаго и сокрушилъ идоловъ: нынѣ-же ты оставилъ насъ! Къ кому будемъ прибѣгать мы теперь!?“.. Вотъ какъ скорбѣли Зыряне, знавшіе св. Стефана...

И нужно - ли, говорить вамъ, дѣтки, почему такъ оплакивали святого Стефана? Потому, конечно, что онъ всѣхъ любилъ, всѣмъ желалъ добра, всѣхъ ласкалъ и утѣшалъ въ скорбяхъ и несчастіяхъ. Полюбите - же и вы въ пору своей беззаботной юности Господа и нашихъ ближнихъ и Богъ полюбитъ тогда васъ. А какъ хорошо, какъ счастливо живетъ тѣмъ, которыхъ любитъ Богъ!..

В—iii.

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ.

Дѣтская лента въ пользу несчастныхъ дѣтей ¹⁾.

Просматривая брошюру: „Зачѣмъ Онъ страдалъ? Исторія возникновенія Братства и пріюта во имя Царицы Небесной“, я рѣшила въ свободный часъ побесѣдовать со своими учениками о возникновеніи пріюта для идіотовъ. Въ субботу послѣ уроковъ

на Крестопоклонной недѣлѣ, съ разрѣшенія завѣдующаго школою, я стала рассказывать ученикамъ о пріютѣ и показала имъ фотографіи съ маленькихъ идіотовъ. Надобно было видѣть ту глубокую жалость и то глубокое сердечное состраданіе къ несчастнымъ, какія выразились на лицахъ моихъ

¹⁾ Изъ Новгородскихъ Еп. Вѣдомостей.

маленькихъ воспитанниковъ, а рассказанная исторія мальчика Николая Грачева привела ихъ прямо въ слезы. Побесѣдовавъ еще съ дѣтьми о томъ, что не въ одной только нашей, но и во всѣхъ церквахъ на Крестопоклонной недѣлѣ собираютъ на этихъ убогихъ страдальцевъ, я предложила ученикамъ, не хотятъ-ли и они что либо пожертвовать на ихъ. Всѣ мои воспитанники, прерывая одинъ другого, закричали: „я пожертвую“... „и я“... „мнѣ тятя дастъ“... „я у мамы выпрошу“... „у меня свои есть“... „всѣ пожертвуемъ!“... „Отошлите, М. А., отошлите!“... Смотрю и лица моихъ школьниковъ просвѣтлѣли, точно ихъ всѣхъ похвалили за хорошо выученный урокъ. На слѣдующей недѣлѣ

пожертвованій накопилось три рубля, кои черезъ редакцію Епархіальныхъ вѣдомостей и посылаю по назначенію. Внутренняя жизнь школы богата разными картинами. Я сообщила одну изъ нихъ. Расположить самихъ дѣтей лично и сознательно участвовать въ какомъ либо добромъ дѣлѣ есть по моему мнѣнію одно изъ вѣрныхъ средствъ религіозно-нравственнаго воспитанія. Полагаю, оно выше и дѣйствительнѣе однихъ голословныхъ нравученій отвлеченнаго характера, сколь-бы краснорѣчивы они ни были. Поменьше словъ, побольше въ воспитаніи дѣтей дѣла, сердца и любви.

Учит. Покр.—Мол. церк.-прих. школы
Марія Артамонова.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Въ странѣ священныхъ воспоминаній. Описаніе путешествія въ св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 года, преосвящ. Арсеніемъ, епископомъ Волоколамскимъ, Ректоромъ Московской Духовной Академіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ профессоровъ и студентовъ. Иллюстрированное изданіе, съ 60 рисунками, подъ редакціей Преосвящ. Епископа Арсенія, Св.-Троицкая Лавра. 1902 г. Цѣна 2 руб. съ перес. 2 р. 50 к.

Извѣстно, съ какою любовію влечется всякое православно-русское сердце къ „странѣ свящ. воспоминаній“—туда, гдѣ каждый камешекъ, каждая былинка для него святы и дороги, какъ безмолвные свидѣтели Христа, вѣщающіе этому сердцу гораздо болѣе самой увлекательной рѣчи, самой обстоятельной книги. Не многимъ выпадаетъ на долю завѣтного счастья—лицезрѣть св. мѣста, но всѣ одинаково—и побывавшіе и не побывавшіе тамъ—любятъ читать описанія ихъ и путешествій къ нимъ, первые обновляя душу незабвенными воспоминаніями собственнаго путешествія, вторые—подогрѣвая въ ней неосуществленные сладкія мечты и дорогіе образы земли обѣтованной. Для тѣхъ и другихъ нынѣ смѣло рекомендуемъ въ высшей степени интересный, обстоятельный, живо и увлекательно написанный трудъ цѣлой группы путешественниковъ, во главѣ съ преосв. Арсеніемъ, Ректоромъ Моск. Дух. Акад. побѣдившихъ Палестину въ 1900 г. Среди множества другихъ описаній св. мѣстъ и путешествій къ нимъ, вновь вышедшій трудъ по праву займетъ лучшее мѣсто. Свѣжесть и необычайное разнообразіе впечатлѣній, яркость и увлекательность изложенія, при полной общедоступности, и

великолѣпно удавшіяся собственныя фотографическія снимки паломниковъ—вотъ существенныя достоинства книги (504 стр.). Принявшись читать ее, положительно не оторвешься... Забывая все другое, всею душой уносишься къ описываемымъ мѣстностямъ, и переживаешь во всей живости и неподдѣльности впечатлѣнія паломниковъ. Весьма важное преимущество новаго труда также—теплота религіознаго чувства, полная правдивость и не переходящая мѣры поэтичность изложенія, которыя своею искренностію и естественностію оставляютъ позади большинство прежде вышедшихъ подобнаго рода трудовъ.

Во вновь вышедшемъ трудѣ, въ частности, мы хотѣли бы указать двѣ стороны, по коимъ Редакція „Божіей Нивы“ имѣетъ особенныя основанія обратить вниманіе на означенный трудъ. Большинство участниковъ (они же и авторы) описаннаго путешествія—*воспитанники школы*, хотя и высшей духовной. За годъ до описаннаго путешествія ихъ (въ 1899 г.) подобное же путешествіе во Св. Землю совершили 15 гимназистовъ Казанской гимназіи. (Краткое описаніе его см. въ Сооб. Имп. Прав. Палест. Общ. за янв. февр. 1900 г.) Такимъ образомъ, Св. Земля стала

открытою для новаго, самаго желательнаго и самаго благонадежнаго разряда паломниковъ—для *учащихся*. Въ вышедшемъ описаніи путешествія въ Св. Землю московскихъ студентовъ можно наглядно познакомиться съ тѣмъ, какъ подобныя путешествія учащихся во Св. Землю въ настоящее время стали удобны, легки, и полезны. Православное Палестинское Общество, идя на встрѣчу новому доброму явленію русской жизни—стремленію учащихся ко Гробу Господню и прочимъ св. мѣстамъ Востока, оказываетъ въ высшей степени дѣятельное вниманіе юнымъ паломникамъ, всячески облегчая ихъ трудъ и помогая вынести изъ далекаго путешествія какой только возможно богатый запасъ пріятныхъ впечатлѣній и полезныхъ свѣдѣній. Отъ самой Одессы юноши принимаются подъ особую заботливость Общества, и особенно въ самой Св. Землѣ имѣютъ въ его лицѣ незамѣнимаго руководителя и попечителя о всѣхъ нуждахъ и требованіяхъ учащихся. И сколько полезныхъ свѣдѣній, сколько трогательныхъ впечатлѣній, сколько неподдѣльныхъ религіозныхъ всплѣскъ юнаго сердца запасетъ для себя юноша на всю свою дальнѣйшую жизнь, которая, поисти-

нѣ, скрасится для него, обогатившись столь неисчерпаемымъ содержаніемъ изъ всевозможныхъ впечатлѣній и бытовыхъ поучительныхъ сценъ изъ жизни Востока!

Другая сторона, во вниманіе къ которой новый трудъ нельзя не привѣтствовать,—уже открыта и использована самою жизнію. Когда книга печаталась по частямъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, эти части съ необычнымъ успѣхомъ завоевали себѣ мѣсто въ народныхъ чтеніяхъ о Св. Землѣ, устраиваемыхъ по многимъ мѣстамъ въ Великой Постѣ. Участіе въ паломничествѣ преосвящ. Архіерея Русскаго, съ сонмомъ представителей прочихъ степеней іерархіи (іеромонахи, Лаврскій архидіаконъ, и т. п.), сообщило всему путешествію особый, какъ бы „Вогослужебный“ характеръ. Русскіе паломники, имѣвшіе счастье быть представителями православнаго Русскаго народа въ Иерусалимѣ за это время, переживали высшій подъемъ религіознаго чувства. Безъ сомнѣнія, немало удовольствія и душевной пользы принесетъ и *чтеніе* труда, повѣствующаго объ этомъ интересномъ путешествіи изъ родной Русской земли ко Гробу Господню.

I. I.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Май 1902.

Наши читатели, безъ сомнѣнія, съ чувствомъ живѣйшей радости и сердечной благодарности ознакомились съ новымъ актомъ Царской милости къ церковно-приходскимъ школамъ: 1 апрѣля Высочайше утверждено Положеніе объ этихъ школахъ. Печатаая это Положеніе, Церковныя Вѣдомости посвящаютъ ему особую статью, разкрывающую все важное значеніе этого документа. Намъ остается отъ души привѣтствовать его появленіе и пригласить тружениковъ церковной школы къ тому, чего безъ сомнѣнія просить и ихъ сердце: къ молитвѣ за Царя—Сына, завершившаго великое дѣло Своего мудраго и великаго Царя—Отца.

13-е іюня 1884 года было днемъ воскресенія на Руси церковно-приходскихъ школъ. Не прошло и 18 лѣтъ съ того дня, какъ эти школы обширною сѣтью покрыли все громадное пространство Россіи и число ихъ въ настоящее время достигаетъ болѣе

42,000 съ полутора миллионами учащихся. Какъ бы ни нападали на недостатки нашихъ церковно-приходскихъ школъ приверженцы школъ иного типа, но для насъ одно то утѣшительно, что однѣ онѣ, наши школы, помимо министерскихъ и земскихъ, ежегодно даютъ хотя бы простую грамотность полумилліону Русскихъ людей, и притомъ, что главное, благотворно воздѣйствуютъ на дѣтей въ духѣ Православной Церкви, искони дорогой сердцу простаго Русскаго народа и всегда служившей непоколебимымъ оплотомъ отечества. Вотъ почему школы эти быстро завоевали себѣ такое горячее сочувствіе народа; вотъ почему и само государство, сознавая всю пользу и важное значеніе этихъ школъ, особенно покровительствуетъ имъ. Трудно подсчитать всѣ жертвы, приносимыя самимъ народомъ на это святое дѣло: народа часто жертвуетъ на школы не деньгами, а своимъ личнымъ трудомъ, матеріалами для ихъ построекъ,

для отопленія, подвозомъ этихъ матеріаловъ, обработкою и удобреніемъ школьныхъ садовъ и полей и т. п. Но не малы были жертвы и деньгами: уже въ первомъ году существованія церковно-прих. школъ употреблено на нихъ мѣстныхъ средствъ до полумилліона. А это все собрано добровольно мѣстными братствами, или же прямо жертвовалось частными лицами на школы. Черезъ 10 лѣтъ такихъ средствъ—приношеній народа на церк.-пр. школы насчитывалось уже болѣе двухъ съ половиною милліоновъ. За 10 лѣтъ было выстроено для церковныхъ школъ своихъ домовъ 9200, на сумму свыше 7 милліоновъ руб. Государство съ своей стороны постепенно увеличивало отпускъ средствъ на эти школы. Въ первомъ году (1884) было отпущено только 55,500 р., въ 1886 г. 120,000, въ слѣдующемъ прибавлено еще 122,000. На 10-мъ году (1895) наша школа получала уже около милліона, а еще чрезъ пять лѣтъ—уже до 10 милліоновъ, причемъ мѣстныхъ средствъ собиралось уже болѣе 5 милліоновъ.

И школа наша дѣлаетъ свое дѣло скромно, безъ шума, безъ рекламы, просвѣщая свѣтомъ Христовымъ малыхъ сихъ, раскрывая ихъ сердце къ воспріятію благодатныхъ вѣяній святой нашей вѣры Православной. И не одни „малые сіи“, не одни дѣти пользуются благодѣяніями церковныхъ школъ: при многихъ школахъ (до 21,000) имѣются библіотечки не только для учащихся, но и для всѣхъ вообще желающихъ. Скудны эти библіотечки, но за то подборъ книгъ въ нихъ какъ разъ по душѣ простому русскому человѣку—книги все больше духовнонравственнаго содержанія. Впрочемъ есть и до 200 пра-

вильно организованныхъ читаленъ при школахъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ, до 7000, ведутся религіознонравственныя чтенія для взрослыхъ. Если припомнить, что все это—плодъ трудовъ и заботъ нашего духовенства, что это духовенство съ любовью и преданностью несло этотъ трудъ безмездно, какъ долгъ пастырскаго служенія, что много потрачено трудовъ и энергіи не только на прямое служеніе этому святому дѣлу, но и на борьбу съ врагами церковности въ школахъ, коихъ, къ стыду нашей, такъ называемой „интеллигенціи“, и до сего дне не мало, то нельзя не порадоваться, что всѣ эти труды, всѣ скорби тружениковъ святаго дѣла, наконецъ, оцѣнены по достоинству и школа наша окончательно признана государственнымъ учрежденіемъ съ правомъ на пользованіе и средствами отъ государства... Теперь можно сказать, что церковно-приходская школа признана совершеннолѣтнею, вполне способною служить родному народу наравнѣ съ прочими школами; тѣмъ строже слѣдуетъ относиться къ своему святому дѣлу труженикамъ школы, тѣмъ бодрѣе они должны работать на нивѣ народнаго воспитанія—говоримъ *воспитанія*, а не образованія, ибо тѣмъ и отличается наша школа, что имѣетъ въ виду не одну грамотность, не одно земное знаніе, но и воспитаніе дѣтскаго сердца въ послушаніи святой Церкви Божіей.

Богъ вамъ на помощь, дорогіе труженики! Глубокая благоговѣйная благодарность и земной поклонъ нашему Царю Батюшкѣ, и сердечное спасибо всѣмъ Его вѣрнымъ слугамъ, споспѣшествовавшимъ изданію новаго закона, столь благотворнаго для нашихъ церковныхъ школъ!...

СОДЕРЖАНІЕ: Взглядъ на воспитаніе на зарѣ христіанства. *Димитрія Введенскаго.*—11-е мая въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ.—Сергій Александровичъ Рачинскій. †—Протоіерей Михаилъ Ивановичъ Хитровъ.—Изъ учительскихъ дневниковъ. За птичекъ Божьихъ. *Т. А. Гр.*—Посѣвы и всходы.—Страничка для дѣтей. Святой отрокъ—будущій Зырянскій апостолъ. (Дѣтство св. Стефана Пермскаго). *В—го.*—Изъ періодическихъ изданій. Дѣтская лепта въ пользу несчастныхъ дѣтей. *Маріи Артамоновой*—Библіографія.—Нашъ дневникъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: При семь № разс., „Тр. Лист.“ доп. ст. № 105: „Почему мы молимся за умерш.“.

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Мая 30 дня, 1902 года. Цензоръ, Ректоръ Визанскій Духовноі Семинаріи, Протоіерей *А. Вьялевъ.*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная
цѣна на
журналь 1 р.
съ перес.; вы-
ходить отъ
6 до 12 разъ
въ годъ.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ по-
садъ, Моск.
губ., въ Ре-
дакцію „Бо-
жіей Нивы“.